

Из записи беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского с начальником Генерального штаба Чехословацкой армии Л. Крейчи

Прага

28 июля 1938 г.

Общее настроение гостей по вопросу о приезде Ренсимена¹ прямо отрицательное, в смысле опасений за возможные последствия. Однако одновременно все говорили, что другого выхода не было. Этот разговор вызвал со стороны Крейчи проявление явного озлобления против Англии и ее вмешательства в чехословацкие дела. Переходя на солдатский тон, Крейчи стучал кулаком по столу и говорил, что чехи еще покажут себя, что они будут драться за свою самостоятельность так, как Европа этого себе и не воображает.

В разговоре вдвоем после обеда Крейчи в очень определенной форме говорил в основном следующее. Политическая сторона дела ему почти что безразлична. Он знает только то, что чехословацкой армии необходимо выиграть еще несколько месяцев для окончания своих укреплений и вооружений. Правительство его заверило, что согласием на приезд Ренсимена оно выиграло время. Если это так, то все обстоит вполне благополучно. Продолжая разговор, начатый еще за столом, Крейчи говорил, что настроение в массах чехословацкого народа просто блестящее. Народ готов и будет драться. Народ заслуживает лучшего руководства, чем то, которое дает ему нынешнее правительство. Связь и взаимоотношения между народом и армией отличные. Крейчи рассказал по этому поводу несколько случаев из практики вокруг частичной мобилизации 21 мая². Например, то, как рабочие в Моравско-Оставском угольном районе целой сменой прямо из шахты явились на сборный пункт за формой и оружием, хотя только некоторые из них подлежали призыву. Поскольку фельдфебель принял только призванных, остальные устроили ему скандал, вплоть до драки, за то, что он посылает их домой.

Характеризуя нынешнее состояние внутри страны, Крейчи прямо говорил, что создается ситуация, похожая на положение перед 21 мая. Попустительство властей, генлейновский террор, неопределенность перспектив вызывает напряженное настроение в массах. Крейчи прямо говорил, что приближается момент, в который для сохранения шатающегося авторитета правительства будет необходимо снова сделать нечто похожее на шаг 21 мая. Иначе можно потерять опору в массах и деморализовать население. Между тем, он отлично сознает, что моральное состояние будущей солдатской массы будет решающим фактором в вопросе, как она будет драться и, следовательно, как долго может держаться Чехословакия против Германии.

Дальше Крейчи без всякого перехода прямо сказал, что ему поручено узнать у меня под благовидным предлогом, как будет поступать СССР в случае нападения Польши на Чехословакию. Я ответил, что не совсем понимаю вопроса. Я не вижу, с точки зрения наших международных обязательств, какая разница в том, кто является агрессором. Если мы устанавливаем факт наличия агрессии, то боремся против всякой и каждой агрессии и точно выполняем наши обязательства. Крейчи ответил, что этого ему достаточно. Ему самому это было и без того ясно. Он ничего не хочет скрывать от меня, а поэтому прямо говорит

мне, что это поручение дал ему Годжа. Я спросил, почему это неясно Годже. Крейчи ответил, что он точно не знает. У Годжи всегда существуют какие-нибудь фантазии...

С. Александровский

Публикуется по АВП СССР.

¹ См. док. 310.

² См. прим. 1 к док. 292.

313

Запись беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского с начальником канцелярии министра иностранных дел Чехословакии Я. Иной

Прага

28 июля 1938 г.

Я зашел к Ине поздравить его с новым чином посланника. Разговор сразу перешел на злобу дня — предстоящий приезд лорда Ренсимена¹. Ина повторил всю аргументацию, известную мне из разговора с Крофтой. Более свободно, чем Крофта, Ина говорил о том, что этот шаг будет иметь для Чехословакии исключительно тяжелые последствия. Ина не сомневается в том, что Ренсимен будет советовать дать автономию и вообще стараться организовать своими советами фактическую, но бескровную капитуляцию Чехословакии перед Германией. На мой вопрос о цели Ина прямо сказал, что у него есть основание подозревать Англию в стараниях снова создать нечто похожее на то, что предполагалось сделать путем заключения «Пакта четырех»². Ина считает, что не только в Париже³, но и раньше, в связи с обменом письмами Даладье — Чемберлен⁴ уже говорилось о воскрешении «Пакта четырех». Этой задаче служит английская настойчивость улучшить взаимоотношения с Италией. Франция оказывает весьма слабое сопротивление даже в вопросе о добровольцах в Испании. Англия, видимо, соглашается не вводить в действие джентльмен-агримент до начала отвода добровольцев из Испании, но вместе с тем, видимо, не склонна дожидаться, пока Франция тоже договорится с Италией. Перед лицом такой угрозы нынешнее французское правительство может легко сдать ряд позиций и оказаться втянутым в сферу практических разговоров о «Пакте четырех». С другой стороны, Англия рассчитывает «Пактом четырех» «надеть ярмо на шею Германии» в том смысле, что рассчитывает на роль арбитра в рамках «Пакта четырех» и по германским притязаниям. Ей важно, чтобы Германия еще некоторое время молчала о колониях. Но для этого надо чем-то заплатить Германии в Европе. Чехословакия будет такой разменной монетой.

Ина дальше подтвердил, что у чехословацкого правительства имеются уступки по судетскому вопросу, на которые оно теперь будет наталкивать Ренсимена. Сюда относятся: дальнейшее расширение прав немцев по языковому закону, уступки по нацменьшинственному статуту в бюджетно-финансовой области и увеличение процентных норм нацменьшинств в сменах* и некоторые другие.

Дальше разговор коснулся фактического положения в Судетской области и поведения генлейновцев, терроризирующих демократические слои населения. Я позволил себе рассказать известные мне вопиющие случаи генлейновского террора и покритиковать линию поведения Ми-

* Имеются в виду местные представительные органы.